

На пути в невозможное

Когда в поэзии – тем более, в нынешней, усреднённой, как всё современное, – возникает такое необычное и даже странное явление как Светлана Крюкова, хочется понять, найти истоки этой необычности и странности.

Это поразительное сочетание в её стихах абсолютных и зримо фактурных реалий мира с прорывом в иные, неведанные и часто непонятные пространства, переводимые автором на незнакомый и новый поэтический язык, который кому-то наверняка покажется вызывающе непозитивским. Читатель как будто в некоей машине пространства и времени, часто даже в пределах одного и того же стихотворения, перемещается из глубин микромира в безмерность макромира, либо наоборот, из ледяного космоса макромира попадает в плотную ткань микромира. Столь же стремительно меняется и язык этих пространственных перемещений и переходов, язык, который можно определить блоковским оксюморном как «жар холодных числ». Её главный приём – метафора, сложный образ. В каждом её верлибре не только спрессованные метафорические ряды, но и логически жёстко выстроенные цепочки смыслов, в которых нет места банальностям и пустотам.

Светлана Крюкова постоянно в поиске новых открытий, в её творчестве преобладает рациональное начало, метод исследователя, путём алгебры приближающегося к озарениям поэзии.

Росинка в траве, ещё и ещё.

В каждой – своё солнце – тяжёлое, зрелое.

Иные росинки с привкусом дейтерия,

иные – счастья,

а в этой подсолнух Винсента,

или туманность Кольцо, или нано-вселенная.

Не свести к одному богу моих сомнений.

Мы видим, сколь объёмно и зримо многомерное, словно расширяющаяся Вселенная, пространство этой восьмистрочной миниатюры – от росинки в траве до солнца, от губительной капли дейтерия до счастья, от подсолнуха Ван-Гога до туманности Кольцо, от необъятной пространственно-временной бесконечности миров до нано-вселенной...

И над всем этим переживаемый экзистенциальный трагизм чело-

века, на новом витке истории зеркально повторяющий паскалевскую тревогу и беспокойство: «Не свести к одному богу моих сомнений». Тут уместно вспомнить слова Ю. Тынянова, писавшего когда-то о том, что «Хлебников – единственный наш поэт-эпик XX века. Его лирические малые вещи – это тот же почерк бабочки, внезапные, «бесконечные», продолженные вдаль записки, наблюдения, которые войдут в эпос – или сами, или их родственники». Следует признать, что стихи Светланы Крюковой, её «лирические малые вещи» (а она в основном является поэтом малых форм), – также «войдут в эпос» нашего века. Удивительна и неясная, но символическая переключка двух таких разных, но в «поэтической системе Лобачевского» (Ю. Тынянов) близких поэтов, двух пересекающихся параллельных.

Так, В. Хлебников пишет:

Мне, бабочке, залетевшей
В комнату человеческой жизни,
Оставить почерк моей пыли
По суровым окнам подписью узника.

В стихотворении С. Крюковой «День бабочек» читаем:

Вначале они кажутся разными:
торжество индивидуальности и полиморфии,
но вскоре – одним неделимым
гиперногоцветным
интеллектуальным целым.
Циклическая переадресация:
от крыла до крыла один пиксель пустоты.

Неизвестно, в историческом времени микро-и макромира «один пиксель пустоты» – это много или мало, но, как видим, в поэтической системе от поэта до поэта, как от крыла до крыла бабочки, порою действительно всего «один пиксель пустоты» ...

Можно сказать, что стихи Светланы Крюковой своего рода поэтическая фантастика, антиутопия, новая мифология современного мира. Импульсы её сюжетов каждый может домысливать и дорисовывать сам, подбирать к ним собственный словарь, как подбирала его эпоха Андрея Вознесенского, называя новых технократических зверей нового времени синхрофазотронами. Но над всем этим наступающим и радостно привет-

ствуемым будущим атомным апокалипсисом у Вознесенского уже была пророческая трагическая «тень птицы», быть может, последней птицы на Земле...

Поэзия Светланы Крюковой афористична и парадоксальна, она стремится к предельной лаконичности, в её стихах от одной до нескольких строк (несмотря на кажущуюся порою эффектную игру слов), сосредоточена серьёзная энергия смыслов, интеллектуальных подтекстов, реминисценций, личного опыта, сталкивающихся больших психологических и эмоциональных драм. Вот несколько образцов такой поэзии: однострочное стихотворение «Космос» – «Глубинное одиночество»; «Хирургическая оплошность» – «Кто-то забыл во мне огонь»; «Будущее» – «Мир без мембран, молитвы на арамейском»; «Время меня меняет, меня нет...»; «Рубленные лица глазами к небу – будто бы издревле, будто бы навсегда... Бог знает, когда ты перестаёшь молиться»; «Всего-то и нужно было: пройти, возрадоваться, возлюбить». Иногда строки Светланы Крюковой завораживают живой разговорной интонацией, словно есть в ней какая-то необъяснимая тайна:

Экскурсия по древней Земле
имеет коммерческий успех.
Тощая инопланетянка, брезгливо поджав губы,
нарисованные на бесстрастном лице,
направляет указку в нашу сторону:
«Эти двое пожелали остановить мгновение,
посмотрите, что из этого получилось!»

Но за всеми парадоксами, культурологическими, книжными и земными образами, за всеми гроздьями метафор, за смешением семантических, лексических пластов всегда стоит некий знак предупреждения, знак тревоги, по которому проходит метафизическая граница, столь остро осязаемая Светланой Крюковой, словно посылающей своим творчеством человечеству сигнал опасности. Поэт предупреждает:

Строишь ли ты дом в горах,
селишься у вулкана...
Однажды она напомнит свой нрав,
наполнит воздух ужасом, виной –
иная реальность.

И тут снова уместно высказывание Ю. Тынянова о поэтике Хлебникова:

«Все поэты, даже частично менявшие семантические системы, бывали объявляемы бессмысленными, а потом становились понятными – не сами по себе, а потому что читатели поднимались на их семантическую систему». Кстати, какой бы непривычной и перегруженной не казалась поэтика Светланы Крюковой, поэтесса всё-таки не теряет корневой связи с землёй, с первой реальностью, хранящей остатки тепла и человеческой памяти:

* * *

Маленькая родительская вселенная,
солнце – огненный одуванчик.
Однажды облысеет, станет старым,
однажды умрёт совсем... со всем, что рядом.
В мире замкнутых систем нет места
бесконечности.

* * *

Быть большим, как это небо,
это море, пески и ветер... Ветер обязательно!
И чтобы девочка в розовом облаке
улыбнулась тебе...

Светлана Крюкова знает, что «всё остальное несущественно». Иногда надо возвращаться к «маленькой родительской вселенной» в тёплый мир «замкнутых систем», иначе однажды можно не найти обратной дороги из «иной реальности» ...

Считаю стихи Светлана Крюковой явлением в поэзии.

Примечание:

Геннадий Красников – поэт, эссеист, литературный критик, переводчик; доцент кафедры литературного мастерства Литературного института имени А. М. Горького.